

RU

«Зимнее утро» А. С. Пушкина на татарском языке: художественные особенности разновременных переводов

Нагуманова Э. Ф., Сафина Г. Ф.

Аннотация. Цель исследования – на основе сравнительного анализа разновременных переводов стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро» А. Исхака и Л. Шаеха раскрыть особенности передачи поэтики оригинала на татарском языке. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые раскрывается своеобразие воплощения особенностей хрестоматийного пушкинского стихотворения в татарских переводах. В ходе анализа определены основные пути передачи формы и содержания стихотворения А. С. Пушкина в переводных произведениях, разобраны переводческие преобразования, а также выявлено своеобразие исследованных переводов в сравнении друг с другом. Авторы подчёркивают, что подходы переводчиков к художественному переводу варьируются в зависимости от исторических условий и доминирующих взглядов на переводной текст в различные периоды. В результате исследования доказано, что каждый из рассмотренных переводов фиксирует трактовку оригинала, сформированную под влиянием индивидуальных установок переводчика и ожиданий принимающей культуры. Стихотворение «Зимнее утро» претерпевает под пером Л. Шаеха значительные изменения, тогда как А. Исхак манифестирует адекватный перевод художественного произведения в единстве и неповторимости его содержания, языка и стиля, что соответствует традициям советской школы перевода. Разновременные переводы хрестоматийного стихотворения дают возможность зафиксировать интерпретационное «преломление» классического текста в татарском художественном сознании.

EN

A. S. Pushkin's "Winter Morning" in Tatar: artistic features of translations from different periods

E. F. Nagumanova, G. F. Safina

Abstract. The purpose of the study is to reveal the specific features of conveying the poetics of the original in Tatar based on a comparative analysis of translations of A. S. Pushkin's poem "Winter Morning" by A. Ishak and L. Shayekh, produced in different periods. The scientific novelty lies in providing the first analysis of how the distinctive features of Pushkin's canonical poem are embodied in Tatar translations. The study identifies the main ways of conveying the form and content of Pushkin's poem in the translated texts, analyzes translation transformations, and reveals the distinctive features of the translations in comparison with one another. The authors emphasize that translators' approaches to literary translation vary depending on historical conditions and prevailing views of translated texts in different periods. The study demonstrates that each translation reflects an interpretation of the original shaped by the translator's individual attitudes and the expectations of the receiving culture. In L. Shayekh's translation, "Winter Morning" undergoes considerable changes, whereas A. Ishak provides an adequate translation of the literary work as an integrated and unique unity of content, language, and style, consistent with the traditions of the Soviet school of translation. Translations of the canonical poem from different periods make it possible to document the interpretive transformation of the classical text in the Tatar artistic consciousness.

Введение

В современной компаративистике вопросы, связанные с множественностью перевода, остаются в центре внимания многих исследователей. Об этом, в частности, свидетельствуют работы последних лет (Олицкая, 2025; Филиппова, 2023; Agnetta, 2024).

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки проблем межлитературного диалога с учётом интерпретационного «преломления» текста в системе ценностей принимающей культуры.

Рассмотрение разновременных переводов стихотворения А. С. Пушкина на татарский язык позволяет выявить переводческую рецепцию классического текста поэтами разных эпох, а также показать степень адаптации «чужого» текста к реалиям времени. Эволюция переводческих практик раскрывает механизмы межкультурного взаимодействия и фиксирует этапы переосмысления классического текста: от ориентации на читательские ожидания до формирования новых моделей осмысления пушкинской лирики. Отталкиваясь от работ, в которых затрагивается проблема рецепции творчества А. С. Пушкина в татарской литературе (Нигматуллин, 1999; Сафина, 2014; Хабибуллина, 2024), авторы статьи выявляют разные подходы к переводимому тексту, сложившиеся в XX и в начале XXI века.

Для достижения вышеуказанной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) определить на разных уровнях художественного текста ряд уникальных поэтических черт пушкинского «Зимнего утра» и их воплощение в переводах А. Исхака и Л. Шаеха;
- 2) установить отклонения от оригинала в разновременных переводах стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро»;
- 3) провести сравнительный анализ переводов с точки зрения передачи художественного своеобразия оригинала.

Материалом для исследования послужили переводы на татарский язык стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро», выполненные А. Исхаком и Л. Шаехом.

Теоретическую базу исследования составляют концепции М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана о диалогичности и неоднородности текста. Согласно М. Бахтину, «чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже... <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» (1979, с. 334-335).

В своей работе мы исходим из того, что перевод – это не просто передача содержания оригинала средствами другого языка, а диалог двух культурных миров. Переводчик, соприкоснувшись с «чужой» культурой, открывает в ней новые грани, при этом исходный текст перестает восприниматься как статичный объект, он наделяется свойством открытости.

Согласно Ю. М. Лотману, «семиотическое пространство предстаёт перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определённый пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степенью переводимости и пространствами непереводаемости. Под этим пластом расположен пласт “реальности” – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесённости» (Лотман, 2000, с. 20). Именно неоднородность текста, его многослойность обязана учитывать переводчик, работая с чужим языковым материалом, поэтому с целью передачи глубины пушкинского стиха А. Исхак неоднократно обращается к пушкинскому тексту.

Большое значение для раскрытия заявленной проблемы также имели работы, в которых затрагиваются вопросы стихотворного перевода и множественности перевода (Дюришин, 1979; Топер, 2001; Федоров, 2021; Ортега-и-Гассет, 2021; Олицкая, 2025), а также труды представителей рецептивной эстетики (Ингарден, 1962; Изер, 2004; Яусс, 1995). Так, согласно Д. А. Олицкой, «переводная множественность обнаруживает субъективность выбора переводческих решений, предоставляет возможность их сопоставления, оценки и типологии; имеет диахроническое и синхроническое измерение» (2025, с. 42). По И. Изеру ни одно чтение не может полностью исчерпать семантический потенциал текста, «устанавливая взаимоотношения между прошлым, настоящим и будущим, читатель открывает в тексте потенциальную множественность связей» (2004, с. 207).

Методологическую основу исследования составили сравнительно-исторический, герменевтический и структурно-семиотический методы. Сравнительно-исторический метод применён для выявления разных переводческих решений в работе с оригинальным текстом. Структурно-семиотический метод позволяет раскрыть, как в разные эпохи считывались одни и те же семантические коды и структуры. Герменевтический подход помогает осмыслить, как менялся «горизонт понимания» исходного текста переводчиками.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при составлении курса лекций по русско-татарским литературным взаимосвязям и литературной компаративистике.

Обсуждение и результаты

Несмотря на хрестоматийность, стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро» в прошлом столетии переводилось на татарский язык только одним переводчиком – известным татарским поэтом А. Исхаком. Его переводы вошли в изданные в разное время сборники избранных произведений русского поэта на татарском языке. Немногочисленность переводов этого стихотворения нетипична для хрестоматийного произведения, особенно если принять во внимание, например, тот факт, что «Зимний вечер» известен в 8 переводах, принадлежащих разным переводчикам (Лирика А. С. Пушкина..., 2004).

Ахмет Исхак (Ахмет Абдулович Исхаков) (1905-1991) – один из известных татарских поэтов советской эпохи, журналист, сатирик. Его литературное наследие составляют стихи и поэмы, изданные в том числе в виде отдельных поэтических сборников: «Таш урамнар жыры» («Песни каменных улиц», 1929), «Бәхет турында жыр» («Песнь о счастье», 1939), «Курай» (1946), «Жырда очрашу» («Встреча в песне», 1957), «Уйланулар, елмаюлар» («Раздумья, улыбки», 1983) и др.

Исследователями (Гали, 1992; Мустафин, 1981) отмечаются прежде всего публицистическая заострённость поэтического стиля А. Исхака (наиболее значительны его успехи в жанрах басни и сатирической поэмы), использование приёмов, характерных для фольклора («Каракаш батыр», «Песня о герое-танкисте Петре Новикове»). В большей степени поэтический талант А. Исхака выражается в гражданской лирике (темы защиты Родины, борьба за мир), что не удивительно: родившийся в год Первой русской революции Исхак стал свидетелем и участником важных вех в истории страны, в частности Октябрьской революции 1917 года и Второй мировой войны.

Известен А. Исхак и как переводчик русской поэзии. Большое количество переводов, принадлежащих его перу, свидетельствует о том, какое значение придавалось татарским поэтам этому непростому делу и высокому искусству. Сборник переводов «Илһамнар чишмәсе» («Родник вдохновений») (Исхак, 1985) демонстрирует многогранный переводческий талант. В нём собраны переводы не только из поэзии русской и европейской, но и восточной (арабской, среднеазиатской, японской, китайской, корейской, тюркской). Название самого сборника говорит о том, что мировая литература вдохновляла татарского поэта создавать её переводы на родной язык.

Среди переводимых А. Исхаком отечественных поэтов и писателей были М. Ю. Лермонтов («Боярин Орша», «Бородино», «Мцыри»), В. В. Маяковский («Я счастливый», «Огонь-конь»), М. А. Шолохов («Судьба человека»), а также авторы восточные (Навои, Низами, Насими, Махтумкули, Абай и др.).

В составе плеяды талантливых литераторов (А. Ерикеев, Х. Туфан, А. Файзи и нек. др.) в 1930-е годы А. Исхак активно переводил произведения А. С. Пушкина. В общей сложности из пушкинской лирики им было переведено 31 стихотворение различной тематики и жанров. Им переводились и стихотворения гражданской лирики, и философские и пейзажные произведения «солнца русской поэзии». В жанровом диапазоне переводов А. Исхака имеются элегии, послания, эпиграммы, сказки, поэмы. Причём обращает на себя внимание относительно малое количество переводов любовной пушкинской лирики, что может быть объяснимо не столько личными предпочтениями переводчика в отборе стихотворений для перевода (в оригинальном своём творчестве А. Исхак выступает в основном как поэт гражданской и сатирической направленности), сколько требованиями времени.

Значимым фактом истории переводов А. С. Пушкина на родной (татарский) язык является то, что А. Исхак совместно с двумя другими национальными поэтами Ш. Маннуром и А. Файзи предпринял перевод «Евгения Онегина». Ему принадлежит перевод трёх глав пушкинского романа в стихах. Из крупных жанров пушкинского творчества переводческого внимания Исхака удостоились поэма «Руслан и Людмила» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Эти произведения многократно издавались в составе собраний сочинений А. С. Пушкина на татарском языке и в виде отдельных иллюстрированных книг для детей и юношества.

А. Исхак был первым, кто перевёл «Зимнее утро» на татарский язык. Перевод увидел свет на латинице в сборнике избранных произведений А. С. Пушкина. Впоследствии этот перевод вошёл в большинство разновременных изданий произведений русского поэта на татарском языке, которые в большинстве случаев выходили накануне юбилейных дат (например, в 1939, 1949 гг.).

Примечательно, что тексты переводов «Зимнего утра» А. Исхака, включённые в разновременные сборники, не идентичны. Так, в первом опубликованном переводе, увидевшем свет в 1938 году, отсутствует деление на строфы, что довольно часто наблюдается в изданиях того времени. При этом переводчик сохраняет общее количество строк пушкинского стихотворения. В последующих изданиях (например, в изданиях 1949 и 1954 гг.) этот издательский недостаток был устранён – композиция перевода соответствует композиционному членению оригинала.

Первая публикация осуществлена шрифтом «Яналиф», что не может не накладывать свой отпечаток на визуальную, психологическую и эстетическую рецепцию текста читателем, видящим перед собой текст иной, не русской, духовной культуры (Сафиуллин, 2021).

А. Исхак демонстрирует приверженность школе точного перевода. Начиная с 1930-х годов такой стиль художественного перевода активно пропагандировался советскими теоретиками (Кашкин, 1977; Эткинд, 1963). Примечательно в этой связи выступление известного татарского писателя и переводчика И. Гази на Первом всесоюзном совещании переводчиков, состоявшемся в Москве в 1936 году. «Мы, – говорил И. Гази (1936), – советские писатели, и русских, и зарубежных классиков, и современную литературу переводим без всяких изменений и искажений. Стараемся донести великую литературу во всём её величии до людей труда».

Содержащиеся в выступлении И. Гази тезисы в целом соответствуют возобладавшей в 1930-е гг. в полемике между сторонниками «точного» и «вольного» перевода (первую позицию на съезде теоретически обосновывал М. Л. Лозинский, вторую – Б. Л. Пастернак) установке на точное воспроизведение в переводах на национальные языки содержания и формы произведений русских классиков. Это отчётливо демонстрируют и многочисленные переводы произведений А. С. Пушкина 1930-х гг. Принцип точного (верного, адекватного) перевода, насаждаемый «сверху», противоречил переводческим принципам, господствовавшим в татарской литературе в начале XX века. Например, переводы произведений А. С. Пушкина, выполненные Г. Тукаем, С. Рамеевым, С. Сунчелеем, демонстрируют скорее сотворчество с русским поэтом, нежели неотступное следование ему в содержании и форме.

Далее обратимся непосредственно к стихотворению «Зимнее утро», первая строфа которого запечатлена в памяти каждого нашего соотечественника: «Мороз и солнце; день чудесный! / Ещё ты дремлешь, друг прелестный – / Пора, красавица, проснись: / Открой сомкнуты негой взоры / Навстречу северной Авроры, / Звездою севера явись!» (Пушкин, 2006, с. 128).

Поэтика начала стихотворения создаёт ассоциации с традициями литературных предшественников Пушкина – В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова. Исследователи указывают на прототипы образа спящей возлюбленной. Г. П. Козубовская в статье «Пушкинский зимнедорожный цикл: балладный пласт» пишет: «Вершина сюжета баллады Жуковского “Светлана” – встреча с живым женихом в реальности после пробуждения героини от страшного сна. Пробуждение героини от сна в первой строфе “Зимнего утра” – отсылка к архетипу спящей красавицы, разбуженной поцелуем жениха. Первая строфа выдержана в традициях лирики начала XIX века, в частности К. Н. Батюшкова» (2017, с. 112).

Сопоставляя первую строфу перевода А. Исхака 1938 года с оригиналом, можно заключить, что на семантическом уровне между ними нет существенных расхождений. «Кояшлы һәм суык, гажәп бер көн! / Син йоклымсың әле һаман, дустым – / Уян инде, вакыт, гузәлем: / Ач, иркәлек баскан күзләрең, / Төньяк Аврорасын каршы ал, / Тан йолдызы булып каршы бар!» / Буквально: «Солнечно и холодно, чудесный день! / Ты спишь ещё, мой друг – / Проснись уж, пора, красавица моя: / Открой окутанные негой глаза, / Северную Аврору встречай, / Иди навстречу утренней звездой!» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 84) (здесь и далее подстрочный перевод авторов статьи. – Э. Н., Г. С.).

Вместе с тем обращают на себя внимание отдельные стилистические моменты. Например, поэтический оборот «сомкнуты негой взоры» в переводе звучит не столь поэтично: «иркәлек баскан күзләрең» (буквально: «глаза, которые одолела изнеженность»). Примечательно, что татарский поэт применяет усечённую форму «күзләрең» вместо «күзләренне» (усечение аффикса используется здесь для сохранения лаконизма и рифмы).

Переводчик сохранил мифологический образ богини утренней зари Авроры. По мнению исследователей, одно из толкований метафоры «звезда севера» – «красавица Петербурга (северной столицы)». У переводчика «Звездой севера явись!» передано: «Тан йолдызы булып каршы бар!». «Звезда севера» преобразовалась в «рассветную звезду», «звезду утренней зари» – таким образом, А. Исхак будто «расшифровывает» значение образа Авроры для своих читателей. Тавтологичное усиление, использованное Пушкиным («северной Авроры – звездой севера»), переводчик восполнил иным повтором в финальном двустии строфы: «каршы ал – каршы бар!» / буквально: «встречай – иди навстречу!»

Спустя пятнадцать лет А. Исхак даёт новый перевод «Зимнего утра», отличающийся от перевода 1938 года. Первая строфа здесь выглядит так: «Искиткеч көн: кояшлы һәм салкын! / Йокымсырап, дустым, син ятасың, – / Ач күзеңне, уян йокыңнан: / Юнәлдереп назлы күз карашың, / Каршыла син төньяк Аврорасын, / Таң йолдызы булып балкып ян!» / Буквально: «Изумительный день: солнечно и холодно! / Дремля, мой друг, ты лежишь, – / Открой глаза, пробудись от своего сна: / Устремив нежный взгляд, / Встречай ты северную Аврору, / Рассветной звездой сверкая, гори!» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 123).

Сравнивая первый и более поздний переводы, можно заключить, что А. Исхак посредством замены отдельных лексем на их синонимы («искиткеч» вместо «гажәп»; «салкын» вместо «суык», «йокымсырап ятасың» вместо «йоклымсын» и др.) стремится к более точной трансляции стиля пушкинского стихотворения. Иначе во второй редакции выглядит и первая строка стихотворения. Автор меняет в переводе порядок слов, вынося на первое место «чудесный день» («искиткеч көн»). Такая трансформация, по всей видимости, была обусловлена стремлением А. Исхака сделать свой текст более динамичным, приблизить его ритм к ритму оригинала. Действительно, в раннем переводе первая строка представляет собой одно предложение, в котором исчезает пушкинская цезура (после слова «солнце»). Во второй редакции Исхак её сохраняет.

Иначе автор переводит поэтический оборот «сомкнуты негой взоры». Словосочетание «назлы күз карашың» (буквально: «нежный взгляд») семантически не соответствует пушкинскому «сомкнуты негой взоры» (в таком варианте перевода происходит существенное смысловое искажение: «нежный взгляд» подразумевает, что у адресата глаза открыты, в то время как лирический субъект в пушкинском стихотворении просит открыть глаза, сомкнутые негой). Очевидно, что такое смысловое искажение обусловлено стремлением переводчика сделать свой перевод более поэтичным (в раннем переводе словосочетание «иркәлек баскан күзләрең» адекватно передаёт смысл пушкинского оборота). Вступая в диалогические отношения с классиком, переводчик не подчиняет свой текст чужой культурной традиции, а, ориентируясь на «горизонт ожидания» татарского читателя, пытается передать все нюансы стихотворения А. С. Пушкина доступными средствами родного языка.

Теперь обратимся к переводу Л. Шаеха.

Ленар Шаех (Ленар Миннемохимович Шаехов, род. в 1982 г.) – татарский поэт, переводчик, журналист. Он удостоен многих литературных премий (имени М. Джаляля, А. Алиша и др.). Со знаменитым предшественником А. Исхаком его сближает активная переводческая деятельность, он переводит на татарский язык с многих языков (русского, немецкого, киргизского, башкирского). Стихотворения самого Л. Шаеха переведены на русский, башкирский, якутский, чувашский, азербайджанский и киргизский языки.

В отличие от А. Исхака, поэта гражданской, сатирической и юмористической направленности, Л. Шаех – мастер любовной лирики, в которой ярко выражены радость и иные переживания, связанные с этим чувством. Стихотворения Шаеха часто посвящены красоте любимой, при этом тема разлуки с нею является одной из излюбленных в его творчестве.

В переводе Л. Шаеха первая строфа «Зимнего утра» выглядит следующим образом: «Суык. Кояш. Көн ямьле. / Син йоклыйсыңмы әле?.. / Тор инде, тор, чибәркәй, / Күзләреңне ач, син, әй! / Себер таң балкышына / Йолдыз бул син кышына...» / Буквально: «Холод. Солнце. День погожий. / Ты ещё спишь? / Вставай уж, вставай, красавица, / Открой ты свои глаза, эй! Сиянию сибирской зари / Звездой ты будь этой зиме» (Пушкин, 2019, с. 152).

Л. Шаех стремится передать ритмику пушкинского стиха. Афористичное «Мороз и солнце: день чудесный» (Сравните: «Суык. Кояш. Көн ямьле», а буквально: «Холод. Солнце. День погожий (красивый)») переводится с использованием парцелляции. Однако при этом уже первая строка в его версии утрачивает выраженное эпитетом «чудесный» эмоциональное начало: приподнято-восторженное настроение лирического субъекта. У Л. Шаеха вместо восторга налицо прозаическая картина погожего зимнего дня. Стремление к лаконизму лишает его перевод поэтичности: в первой строфе редуцировано пушкинское «сомкнуты негой взоры» (автор перевода ограничивается прозаическим «Күзләреңне ач син, әй!»). Прозаичность усиливается междометием «эй», которое придаёт обращению к адресату оттенок фамильярности.

Кроме того, в переводе первой строфы появляется серьёзное смысловое искажение. Обращение лирического субъекта («Навстречу северной Авроры, / Звездой севера явись!») автор переводит как: «Себер тан балкышына / Йолдыз бул син кышына...» / Буквально: «Сиянию сибирской зари / Звездой ты будь этой зиме». Пушкинский «север» превращается здесь в «Сибирь», что свидетельствует о непрояснённости для переводчика смысла пушкинских строк. Опущено у Л. Шаеха и имя богини Авроры.

Эта переводческая стратегия (опрошение, прозаизация) в той или иной степени сохраняется во всём переводе Шаеха. Так, например, он переводит вторую строфу пушкинского стихотворения (в оригинале: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась, / На мутном небе мгла носилась; / Луна, как бледное пятно, / Сквозь тучи мрачные желтела, / И ты печальная сидела – / А нынче... погляди в окно...» (Пушкин, 2006, с. 128)) «Кич бит буран улады, / Тоньк күк тә елады. / Болыт артындагы ай / Багып торды алтындай; / Ә син боегып йөрдең, / Тәрәзгә күз сал, сеңлем!..» / Буквально: «Вечером ведь буран был, / Мутное небо плакало / Луна, что за тучами, / Смотрела, как золотая; / А ты грустная ходила, / Посмотри в окно, сестрёнка!..» (Пушкин, 2019, с. 152).

Здесь опущено обращение лирического субъекта к адресату, что нивелирует важную для пушкинского стиха коммуникативную ситуацию: для лирического субъекта А. С. Пушкина важно поделиться своими эмоциями (поэтому в стихотворении он трижды апеллирует к адресату, да и само стихотворение, по сути, представляет собой разговор лирического субъекта с ним). Вместе с тем в конце строфы переводчик актуализирует коммуникативность, вводя в текст перевода обращение «сеңлем» (буквально: «сестрёнка»). Такая трансформация «прелестного друга» представляется не совсем удачной. Хотя в пушкинистике вопрос о прототипе «прелестного друга» в этом стихотворении остаётся открытым, можно предположить, что само обращение лирического героя указывает на его нежные, трепетные чувства к адресату. В татарской лингвокультуре обращение «сеңлем» не является исключительно родственным (так можно обращаться и к девушке, которая младше), но в любом случае оно лишено того присутствующего в произведении русского поэта указания на испытываемую лирическим субъектом симпатию.

Исследователи «Зимнего утра» обращают внимание на подчёркнуто-пародийное описание А. С. Пушкиным луны во время ночной бури («Луна, как бледное пятно, сквозь тучи мрачные желтела»). «Метельный лик зимы остался лишь вчерашним в воспоминаниях, к которым лирический персонаж в диалогическом жесте обращён к женщине. В воссозданных картинах метели нет ужаса, он снят пародийным изображением луны, сведённой до “бледного пятна”, желтеющего на небе: вследствие депоэтизации утрачена и её балладная таинственность. Пародирование балладных пейзажных мотивов – здесь знак победы над собственными страхами», – пишет по этому поводу Г. П. Козубовская (2017, с. 111).

Действительно, воспетая романтиками, особенно в балладах, луна в этих пушкинских строках утрачивает свой романтический ореол, низводится автором до «бледного пятна».

В переводе Л. Шаеха этот пародийный момент отсутствует: «Болыт артындагы ай / Багып торды алтындай». / Буквально: «Луна, что за тучами, / Смотрела, как золотая». Вместо «бледного пятна» автор перевода использует тривиальное сравнение лунного сияния с блеском золота.

В связи с образом луны небезынтересным представляется ещё одно наблюдение: его статичности, неподвижности соответствует статичность героини («И ты печальная сидела»), в то время как у Л. Шаеха героиня не сидит, а ходит: «Ә син боегып йөрдең». / Буквально: «А ты грустная ходила».

Заслуживает внимания ещё один момент: в переводе Л. Шаеха отсутствует лексический маркер границы между вчерашним вечерним ненастьем («Вечор, ты помнишь, вьюга злилась») и утренним состоянием природы и релевантным ему эмоциональным подъёмом лирического героя. У А. С. Пушкина таким маркером является слово «нынче» («А нынче... погляди в окно»). Переводчик, таким образом, не акцентирует точку перехода от одного состояния к другому. Заметим, что у А. Исхака этот важный для динамики пушкинского лирического сюжета момент сохранен: «Тәрәздән хәзер тышка бак». / Буквально: «Из окна сейчас посмотри на улицу». И в целом А. Исхак в своём переводе более бережно относится к смыслам пушкинского стихотворения, стараясь как можно точнее передать их татарскому читателю.

Так в его переводе выглядит вторая строфа пушкинского стиха: «Исеңдәдер, кичен буран иде, / Тоньк күктә кара томан иде; / Болыт аша тоньк бер таптай / Саргыртланьп карый иде ай, / Син дә утыра идеен сагышлап – / Тәрәздән хәзер тышка бак». / Буквально: «Наверное, помнишь, вечером был буран, / В мутном небе был чёрный туман, / Сквозь тучи, словно какое-то мутное пятно, / Желтея, смотрела луна, / И ты сидела, печалась / Из окна сейчас на улицу посмотри» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 84).

Очевидно, что переводчик сохраняет пушкинское сравнение луны с «бледным пятном»: хотя в дословном переводе с татарского слово «тоньк» означает «мутный», в данном контексте это семантическое различие не принципиально – важно, что А. Исхак сохраняет пушкинскую пародийность, не романтизируя образ, как это делает Л. Шаех.

Сравнивая раннюю версию перевода Исхака с более поздними, необходимо отметить, что поэт стремился совершенствовать свой перевод. В частности, слово «саргылтланып» («желтея») во втором переводе он заменяет на более лаконичное и ритмичное «Саргылт булып күренә иде тик ай». / Буквально: «Желтоватая виднелась лишь луна».

Подобного рода правки делались А. Исхаком для приближения переводного произведения к лёгкости и лаконизму пушкинского стихотворения (Сравните: разновременные варианты перевода А. Исхака пушкинской строки «И ты печальная сидела» – «Син утырдың бирелеп сагышка» (1938) и «Син утыра идеен сагышлап» (1948). Второй стилистически оказывается более лёгким, чем первый). Учёт неоднородности текста, его многослойности способствует творческой переработке оригинала, открывая в нём новые грани.

Сравнение разновременных переводов А. Исхаком третьей строфы «Зимнего утра» («Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит; / Прозрачный лес один чернеет, / И ель сквозь иней зеленеет, / И речка подо льдом блестит» (Пушкин, 2006, с. 128)) подтверждает высказанную ранее мысль о том, что в более поздних переводах Исхак, сохраняя стратегию перевода точного (то есть передачи смысла подлинника во всех его нюансах), стремится к большей поэтичности. Сравните:

В переводе 1938 г. мы читаем: «Энә анда зәнгәр күк астында / Жем-жем итеп кояш яктысында, / Матур келәм булып ята кар, / Утә күренеп тора урманнар, / Яшелләң чыршы бәс аша / Хәм ялтырый инеш боз аша». / Буквально: «Вон там под синим небом / Сверкая на солнечном свете, / Красивым ковром лежит снег, / Прозрачно виднеются леса, / Зеленеет ель сквозь иней, / И блестит речка сквозь лёд» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 84).

В переводе 1954 г. уже значит: «Зәнгәр күккә тиеп хәзер анда, / Жем-жем итеп кояш нурларында, / Келәм булып ята кар кыры; / Күкселләнеп күренә шәрә урман, / Яшел чыршы өстен ак бәс сарган, / Инеш балкый бозлар аркылы». / Буквально: «Касаясь синего неба сейчас там, / Сверкая на солнечных лучах, / Как ковёр, лежат на поле снега, / Синеет голый лес, / Поверхность ели окутал иней, / Река блещет через льды» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 123).

Как видим, в более позднем варианте появляются поэтические детали, отсутствующие в раннем переводе (автор, в частности, вводит образ бесконечных снежных просторов, сливающихся с голубым небом; для передачи сияния солнечных лучей во второй редакции использовано более поэтичное словосочетание «кояш нурларында» / «в лучах солнца», в то время как в более раннем переводе имеем «кояш яктысында» / «при свете солнца»).

Менее внимательным и бережным к пушкинскому стилю и смыслам оказывается в своём переводе Л. Шаех: «Зәнгәр күкләр астында / Жәймә кар ята монда, / Ялтырый ул кояшта. / Карурман теге башта. / Бәс төргән яшел чыршы, / Бозланган инеш-жырчы». / Буквально: «Под синими небесами / Простыня снега лежит здесь / Блестит она на солнце / Чёрный лес в том конце / Инеем укутанная зелёная ель / Заледенела речка-певица» (Пушкин, 2019, с. 152).

В его переводе встречаются отсутствующие в оригинале слова с семантикой местоположения: «монда» («здесь»), «теге башта» («в том конце»). Их включение в текст семантически избыточно, и, очевидно, Л. Шаех использует их исключительно для рифмы. С этой же целью поэт-переводчик вводит в переводное произведение отсутствующий в оригинале образ поющей речки, рифмуя слова «чыршы» / «ель» и «инеш-жырчы». / «певунья-речка». Это переводческое решение вносит в пушкинское стихотворение новый, несколько абсурдный смысл: скованная морозом речка не может журчать (а именно это тривиальное сравнение прочитывается в стихотворении современного татарского поэта).

В четвёртой строфе пушкинского стихотворения в центре внимания оказывается уютное и тёплое русское жилище (печь, лежанка): «Вся комната янтарным блеском / Озарена. Весёлым треском / Трещит затопленная печь. / Приятно думать у лежанки: / Но знаешь: не велеть ли в санки / Кобылку бурую запречь?» (Пушкин, 2006, с. 128).

В разновременных переводах А. Исхака адекватно передаётся содержание этой строфы, её эмоциональный тон.

В переводе 1938 г. мы читаем: «Якты нурлар булмәнен эчендә / Балкып тора. Ягылган пичнен дә / Бик күнелле шаулап януы, / Рәхәт уйлап кына ятуы. / Жигеп көрән атны чанага, / Чыгып керикме эллә һавага?» / Буквально: «Светлые лучи внутри комнаты / Сияют. Затопленной печи / Очень радостно шумное горение, / Хорошо просто думать лежать. / Запрягая серую лошадь в сани, / Не выйти ли нам на воздух?» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 84).

В переводе 1954 г. уже значит: «Гәрәбә нур белән булмә эче / Балкып тора. – Чатнап янган мичне / Нинди матур читтән карарга! / Рәхәт яту, уйлап, урын-жирдә. / Кушмыйбызмы ләкин жиктерергә / Көрән атны, ду-стым, чанага?» / «Янтарными лучами комната / Сияет. – Потрескивающую горящую печь / Как красиво смотреть со стороны! / Приятно, думая, лежать на постели. / Не повелим ли, однако, запрячь / Серую лошадь, друг мой, в сани?» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 123).

В первом переводе опущен ряд лексем: «янтарный», «кобылка», «велеть», «лежанка». Очевидно, что последнее слово было исключено поэтом по причине отсутствия в татарском традиционном деревенском жилище лежанки. Показательно, что поэт не стал «татаризировать» это понятие (такая переводческая стратегия часто использовалась переводчиками начала XX века; примечательно, что сам процесс перевода в это время часто назывался словом «татарлаштыру», что в дословном переводе означает «отатаривание»), используя, например, в качестве его «эквивалента» слово «сәке» («нары», «лежанка», «лавка»). Интересно, что во втором (более позднем) переводе А. Исхак использует слово «урын-жир» / «постель» как эквивалент слову «лежанка».

В переводе 1954 г. появляется эпитет «гәрәбә» («янтарный»). Это также является одним из свидетельств большей поэтичности второй редакции по сравнению с первым переводом 1938 года.

В отличие от стремящегося к точности А. Исхака, Л. Шаех вносит в свой перевод мотивы, отсутствующие в оригинале: «Гәрәбә төс булмада. / Дәртләнеп яна энә / Мичтәге имән утын. / Уйларым биеми. Тын... / Әллә коба бияне / Жигәргәме диямен...» / «Янтарный цвет в комнате. / Задорно горят вон / В печи дубовые дрова. / Мои думы не пляшут (не играют). Тихо... / Может, бурю кобылу / Запрячь ли, говорю...» (Пушкин, 2019, с. 152).

В переводе Л. Шаеха возникают мотив тишины (хотя у Пушкина имеется акустический образ треска горящих в печи дров) и образ отрешённого от мыслей лирического субъекта. Заметим, что у самого русского поэта лирический герой находится в приподнятом эмоциональном состоянии, обусловленном как переменной погоды, так и встречей с «другом прелестным» и предвкушением совместного веселья. Переводчик же создаёт образ, характеризующийся эмоциональной закрытостью, более сдержанным, мрачным настроением. Таким образом, искажается не только смысл этого фрагмента, но и его эмоциональный тон. Восприятие окружающей природы, выражение отношения к «другу милому» в переводе Л. Шаеха упрощены и более прозаичны. Образ героини несколько затуманен, речь героя более монологична.

Заключительные строки стихотворения А. С. Пушкина («Скользя по утреннему снегу, / Друг милый, предадимся бегу / Нетерпеливого коня / И навестим поля пустые, / Леса, недавно столь густые, / И берег, милый для меня» (2006, с. 129)) представляют собой описание героем предвкушения предстоящей зимней прогулки. Исхак переводит эту строфу следующим образом: «Иртәнге ак кардан шудырттырып, / Ярысып торган атны юырттырып, / Сөйгән дустым, барыйк кырларга, / Күптән тугел шул кадәрле / Куе булып торган урманга, / Мин яраткан теге тын ярга». / Буквально: «По утреннему белому снегу скользя, / Погоняя ярого коня, / Любимый мой друг, поедем в поля, / В недавно столь / Густой лес, / К любимому мной тому тихому берегу» (Лирика А. С. Пушкина..., 2004, с. 84). В переводе Л. Шаеха: «Иртәнге кардан шуып, / Чаптырыйк аны куып. / Пырдымсыз ат йөгерсен, / Бушаган кырга керсен. / Барыйк урман янына, / Сөйгән елгам ярына». / Буквально: «По утреннему снегу скользя, / Заставим его бежать, погоняя. / Нетерпеливый конь пусть бежит, / Войдёт в опустевшие поля. / Поедем к лесу, / К любимому моему берегу реки» (Пушкин, 2019, с. 153).

И здесь приходится констатировать, что А. Исхак более ответственно подходит к выбору лексических единиц татарского языка. Так, эпитет «нетерпеливый конь» он переводит как «ярысып торган ат» (досл. «разгорячённый конь»), в то время как Л. Шаех использует словосочетание «пырдымсыз ат» (досл. «бестактный», «бесцеремонный»). Согласно «Толковому словарю татарского языка», это слово употребляется применительно к людям и указывает на особенность их характера, поведения (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге).

Как мы видим, переводчики передавали особенности пушкинского стихотворения различными способами, насколько это позволял их талант, профессионализм, чутьё текста, а также ресурсы родного языка. Ограниченность в прямых, точных соответствиях в языке иной системы неизбежно приводит к тому, что не все эпитеты, поэтические обороты, стилистические ходы А. С. Пушкина передаются на татарском.

В стихотворении «Зимнее утро» А. С. Пушкин «играет» с традициями сентиментализма и романтизма, то возвеличивая и пленяясь их узнаваемыми образами («спящая красавица»), то низвергая с пьедестала установившиеся клише («луна, как бледное пятно»). Варьируя различные стили языка, русский поэт использует высокие архаичные обороты («сомкнуты негой взоры»), античные образы («Аврора»), «сниженные» разговорные и просторечные лексемы («носила», «санки», «кобылка»). На пути передачи этих специфических черт своему читателю А. Исхак и Л. Шаех достигают как успехов, так и неудач.

Не всегда поэты-переводчики передают рифму и ритмику стиха, что, несомненно, связано с особенностями татарского языка. А. Исхаку в большей степени удаётся сохранить форму и содержание пушкинского стиха, его лирический настрой. Современный переводчик Л. Шаех вводит другие настроения и интонации лирического героя за счёт приёма парцелляции, иных форм обращения к героине. В целом его текст можно рассматривать как продукт своей эпохи (перевод издан к 220-летию поэта).

Каждый рассмотренный перевод – это результат работы на «границе» между исходной и принимающей культурами. При этом именно лексический и ритмический уровни становятся точками напряжения на этой границе, и переводчики выбирают разные стратегии адаптации текста. Столкновение столь разных семиотических систем и порождает вариативность интерпретаций ставшего хрестоматийным стихотворения А. С. Пушкина.

Заключение

Осуществлённый в ходе исследования сравнительный анализ разновременных переводов стихотворения «Зимнее утро» А. С. Пушкина позволяет представить рецепцию классического текста поэтами разных эпох и художественных направлений.

А. Исхак, являясь ярким представителем советской школы перевода, реализует принцип точного перевода, выбирая воссоздающую стратегию, заключающуюся в максимально полной трансляции смыслов оригинала. В стремлении передать языковое, стиливое богатство подлинника и его содержательную полноту Исхак предпринимает разные попытки воссоздания поэтики оригинала на родном языке: ищет образные средства татарского языка, соответствующие пушкинскому произведению, стремится к сохранению ритмического строя оригинала.

Современный татарский поэт Л. Шаех редуцирует отдельные смыслы пушкинского стихотворения «Зимнее утро» или привносит новые, отсутствующие в подлиннике. Такой подход к тексту А. С. Пушкина не является следствием избранного поэтом переводческого принципа, аналогичному тому, который реализовывался в вольных переложениях русской классической поэзии татарскими поэтами начала XX века. В данном случае правомерно говорить о степени владения переводческой техникой, которая у большинства переводчиков-билингвов советского времени была высокой. Современный поэт подстраивает перевод под уровень подготовки целевой аудитории, при восприятии исходного текста он активнее вступает в диалог как с классиком, так и современным читателем.

Итак, разные версии перевода стихотворения «Зимнее утро» А. С. Пушкина на татарский язык представляют собой различные варианты диалога между одной и той же исходной семиосферой и принимающей культурной средой.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать сравнительно-сопоставительное исследование других разновременных переводов стихотворения А. С. Пушкина на татарский язык.

Материалы исследования | Research materials

1. Гали М. Бөтенхалык нәфрәте // Шәһри Казан. 1992. 21 февр. <https://matbugat.ru/enc/ishak-hmt-210>
2. Лирика А. С. Пушкина в татарских переводах / сост. Г. Ф. Сафина; науч. ред. Я. Г. Сафиуллин. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004.
3. Пушкин А. С. Сайланма әсәрләр: шигырьләр, поэмалар, әкиятләр / проект жит., кит. төз. һәм керешсүз авт. Л. Шәех. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019.
4. Исхак Әхмәт. Илһамнар чышмәсе: Дөнъя шагыйрьләреннән тәржемәләр / керешсүз авт. Ә. Исхак; ред. Х. Әюпов; рәс. Р. Фәттахов. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1985.
5. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Сказки. М.: Эксмо, 2006.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.
2. Гази И. Тәржемә принциплары турында // Совет әдәбияты. 1936. № 3.
3. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / пер. со словацкого. М.: Прогресс, 1979.
4. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология. М.: Наука; Флинта, 2004.
5. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
6. Кашкин И. А. Для читателя-современника: статьи и исследования / авт. предисл. П. Топер; коммент. М. Лорие. М.: Сов. писатель, 1977.
7. Козубовская Г. П. Пушкинский зимнедорожный цикл: балладный пласт // Культура и текст. 2017. № 1 (28).
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
9. Мустафин Р. А. Певец красных птиц // Мустафин Р. А. Образ времени: статьи. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981.
10. Нигматуллин Э. Г. Восприятие поэзии Пушкина татарскими поэтами // Научный Татарстан. 1999. № 1.
11. Олицкая Д. А. Современные форматы переводной множественности // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520.
12. Ортега-и-Гассет Х. Блеск и нищета перевода // Литературная компаративистика. Антология / под общ. ред. И. О. Шайтанова. М.: РГГУ, 2021. Т. 1: Становление метода.
13. Сафина Г. Ф. Лирика А. С. Пушкина в переводах на татарский язык: история и поэтика: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2014.
14. Сафиуллин Я. Г. Крутые повороты: арабика, латиница, кириллица. Алфавитная революция в Советском Союзе глазами современности // От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М. И. Ибрагимов; сост.: В. Р. Аминев, Э. Ф. Нагуманова, А. З. Хабибуллина. Казань, 2021.
15. Татар теленең анлатмалы сүзлеге / науч. ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2018. Т. 4. Л-Р.
16. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001.
17. Федоров А. В. Проблема стихотворного перевода // Литературная компаративистика. Антология / под общ. ред. О. В. Шайтанова. М.: РГГУ, 2021. Т. 1: Становление метода.
18. Филиппова И. Н. Экзотизация оригинала: феномен множественности и оценка жизнестойкости перевода // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1 (48).
19. Хабибуллина А. З. А. С. Пушкин и татарская литература: аспекты инациональной рецепции // Русский язык за рубежом. 2024. № 2 (303). <https://doi.org/10.37632/PI.2024.303.2.007>
20. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М. – Л.: Сов. писатель, 1963.
21. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12.
22. Agnetta M. Multiple translation and the translator's visibility // Lebende Sprachen. 2024. Vol. 69. Iss. 2. <https://doi.org/10.1515/les-2024-0021>

Информация об авторах | Author information

RU

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна¹, к. филол. н., доц.
Сафина Гульнара Фаридовна², к. филол. н.

^{1, 2} Казанский федеральный университет

EN

Elvira Firdavilevna Nagumanova¹, PhD
Gulnara Faridovna Safina², PhD

^{1, 2} Kazan Federal University

¹ ehlviran@yandex.ru, ² safinag78@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.07.2026; опубликовано online (published online): 30.10.2026.

Ключевые слова (keywords): поэтика художественного текста; разновременные переводы с русского языка на татарский язык; переводческий идиостиль; переводческая рецепция; poetics of a literary text; translations from Russian into Tatar from different periods; translator's individual style; translation reception.